

К вопросу об образовании адессива¹

Илья А. СЕРЖАНТ

Universität zu Köln

*The article deals with the formation of the Lithuanian adessive. The grammaticalisation of the adessive construction (with the Proto-Baltic postposition Baltic *pie) is shown to have occurred after the operation of Leskien's law. Rosinas' (1999) claim according to which the adessive singular forms are built on the base of old datives is critically examined and rejected for both morphological and syntactic reasons. An attempt is made to provide an explanation for the dialectal and Old Lithuanian dative sg. forms in -i, -u and -ie of i-, u- and o-stems respectively.*

0. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как известно, адессив (а также и аллатив) наиболее хорошо сохранился в старолитовских текстах², в современных литовских говорах же за немногим исключением лишь в виде наречий³. Следующие примеры могут быть приведены из говоров, в которых адессив еще сохранил функцию падежа: *dziėvėip, vaikėip, veršėip* из Гervечай (Arumaa 1930: 66), *bóbaip, marčėip* из Засечай (Stang 1958: 184).

Целью статьи является уточнение хронологии образования адессива, а также критика предположения, выдвинутого Росинасом (Rosinas 1999), что якобы в основе форм адессива ед. ч. лежит древнее окончание датива.

1. ПРЕДПОСЫЛКИ

1.1. Формирование адессива и аллатива восходит, скорее всего, к одной и той же эпохе. В пользу этого свидетельствуют и совершенно идентичный принцип образования, и форма постпозиции.

1.2.1. Формирование адессива (возможно и аллатива) следует возводить к эпохе после действия закона Лескина о сокращении акутированных ауслаутных долгот. Исходя из этого предположения, следующие формы выводятся совершенно закономерно, без использования аналогии:

– адесс. ед. ч. *u*-склонения, напр. *sūnūp* (Zinkevičius 1966: 202) < *sūnū + pi < *sūnū < *sūn-úo < *sūn-ōu (ср. ведич. loc. sg. *paśau*). Не сокращенная форма *sūnōu+pi дала бы в литовском скорее всего **sūnuopi, в любом случае не *sūnūp(i)*;

¹ Хотелось бы выразить благодарность за многочисленные советы и помощь Р. Г. Дерксену, а также Акселю Хольфуту.

² О функции см. Range (1995), Kavaliūnaitė (2001).

³ Исключения составляют говоры у Zietela, Lazūnai, Gervėčiai, ср. Zinkevičius (1966: 202).

– абсолютно аналогично развитие формы адесс. ед. ч. *i*-склонения: индоевр. окончание локатива **-ēi*, ср. ведич. *agnā*, греч. староаттический. *πόλ-ηι* (Rix 1976: 51). Это окончание должно было дать в литовском *-i*. Именно такая форма и представлена в старолитовских текстах (ср. Kazlauskas 1968: 153): *ūgnip* (DP 158₆, 158₄₁), *schirdipi* (катехезис Мажвидаса: 448₁₅, 446₆)⁴.

Кажущееся противоречие представляет собой носовой согласный в формах множественного числа, так как он должен был бы исчезнуть по закону Лескина напр. *dievuosemp* а не ***dievuosep*, при instr. sg. *rankà* (< **án*) и асс. sg. *rañkq* (**-añ*). Это объясняется тем, что в данном случае носовой согласный был внесен в форму адессива мн. ч. по аналогии. Здесь имеется несколько возможностей, например, по аналогии с аллативом мн. ч. *dievump* (-um- < gen. pl. *dievų*) к адессиву мн. ч. **dievuosup* > *diewũsump* (Rosinas 1999: 178–180), или же по аналогии с местоименным окончанием *jamp(i)* < *jamip(i)*. Тот факт, что носовой согласный был добавлен по аналогии, доказывает и его присутствие в еще не измененных по аналогии с инессивом формах адессива в некоторых западных старолитовских текстах, напр. Вилентас, Даукша *wifũfump* (примеры см. Zinkevičius 1982: 30).

Определить интонацию слога перед постпозицией *-p(i)* невозможно по следующим причинам. Согласно Зинкявичусу (Zinkevičius 1966: 210, §280, 281 а также 222: §310, 311 и др.) в большей части записей говорю (произведенных Бугой, Арумаа и Лайгонайте) слог, предшествующий постпозиции *-p(i)*, имел интонацию акута в обоих ad-падежах⁵. В связи с этим мы вынуждены предположить метатонию (*métatonie rude*), по которой исконно циркумфлексные⁶ окончания перешли в акутированные. При этом циркумфлексные формы адессива и аллатива можно объяснить с помощью аналогии с циркумфлексом в окончаниях основных падежей, лежащих в основе адессива и аллатива. Наоборот же, акутированные окончания объяснить с помощью аналогии нельзя, так как все окончания генетива и локатива имеют циркумфлексную интонацию или сокращены по закону Лескина. К

⁴ Именно так форму *i*-склонения объясняет Kazlauskas (*loc. cit.*); Stang (*loc. cit.*) же считает, что данное окончание заимствовано из консонантного склонения. Здесь однако следует возразить, что, во-первых, процесс заимствования происходит в обратном направлении, т. е. окончания склонения на согласный заменяются окончаниями *i*-склонения, а не наоборот. Во-вторых, поскольку окончание *-ip(i)* (учитывая, что закон Лескина действовал до окончательного образования адессива) совершенно закономерно, нет никакой надобности объяснять его по аналогии, тем более, что тогда окончание *-u*-склонения (*sũn-ũp*) остается не объясненным, так как принятие сначала аналогии консонантического склонения > *i*-склонение, затем *i*-склонение > *u*-склонение представляется нам совершенно невероятным.

⁵ По Зинкявичусу исключение составляет лишь Станг и Гринавецкене, которые установили циркумфлексную интонацию. Однако в работах Станга (напр. Stang 1966: 228) только лишь окончание ades. sg. f. *galvõs(p)* имеет циркумфлексную интонацию.

⁶ Например, adess. sg. *namĩep*, в основе которого древний локатив *-o*-основ, ср. *namĩē*, *ankstiē* (Zinkevičius 1966: 209), также gen. sg. *diēvo* (т. к. не сокращен по Лескину (в ***-a*) а также без переноса иктуса с циркумфлексного слога по Соссюру-Фортунагову) при акуте в аллативе ср. *dievõp(i)* (Stang 1966: 228; Zinkevičius 1966: 210).

тому же и латышские реликтные формы свидетельствуют в пользу метатонии, ср. (ME_{II}: 320): *kūr* (= lit. *kuŗ*) и (ME_{II}: 325): *kuŗp* (= lit. **kūrp(i)*)⁷.

1.2.2. Формирование адессива и аллатива должно восходить ко времени редукции постпозиций в определенных позициях⁸, практически сходной с индоевропейским аблаутом. Этот пункт требует дополнительного пояснения. Дело в том, что в качестве постпозиций вторичных аналитических падежей в восточнобалтийском были использованы их редуцированные варианты, ср. Адесс. / Алл. *-p(i)* по отношению к однокоренному предлогу *priē*, Илл. *-na* (не **-nu!*) < **po* по отношению к однокоренному предлогу **pō* (*nuo, nu-*). Данные пары восходят, на наш взгляд, к относительно древнему периоду прабалтийского языка, в котором существовали ударные и безударные аллоформы пред- / послелогов / приставок. К ним также можно добавить еще **en* в латышском *ie-kšā* < **en-k-šā* по отношению к литовскому *i* < **in* < **ŋ*, а также лат. *sa-/sam-* (например, *suods* < **san-ds*) < **som* по отношению к литовскому предлогу *su* < **sum* < **sm*.

1.3. Далее следует отметить, что, поскольку, по крайней мере, адессив существовал и в пралатышском языке – об этом свидетельствуют такие формы как *šūŗp, kuŗp*, – время его возникновения следует отнести к той эпохе, в которой пралатышский и пралитовский языки уже хотя и отличались некоторыми диалектными нюансами (напр. закон Лескина §1.2.1), однако могли еще свободно обмениваться инновациями.

2. СИНТАКСИС

Основным камнем преткновения в традиционном объяснении адессива как падежа, аналитически образованного на древнем локативе, является несоответствие в синтаксическом употреблении синтетической и аналитической адессивных конструкций: Глагол – *prie(g)* – Дат., однако Глагол – Лок. ед. ч. – **prie* (Rosinas 1999: 174), при том, что аллативные синтетическая и аналитическая конструкции полностью соответствуют друг другу: Глагол – *prie(g)* – Род. ед. ч. и Глагол – Род. ед. ч. – **prie*. Также по аналогии с другими пред- / послелогами: *dēl to* и *todēl* или *drin to* и *todrin* форма *Wießpati*, по мнению Росинаса, должна полностью соответствовать *prieg* *Wießpati* и является поэтому, как и в последнем случае, дативом.

⁷ Пока нам не ясна точная причина метатонии (*métatonie rude*). В качестве гипотезы можно предположить, что в основе форм на *-pi* на самом деле лежит не послелог *p(r)ie*, а *apie*. Что касается семантики, то здесь можно привести в качестве типологического примера способ образования адессивного значения в древне-русском и в русск. диалектах с помощью предлога *о/об* (< **op-*) (Торогов 1968: 188), который полностью (семантически и этимологически) соответствует литовскому *apie*. Фонетически же предлог *apie* должен был бы дать акут напр. в адесс. ед. ч. *ā*-склонения **ai-āpi* > **ajapi* > *-āipi*. По Стангу (Stang 1966: 157) последовательность **-V_iV-* вела себя аналогично последовательности *-V_uV-*, напр. *kiāutas* < *kēvetas*.

⁸ В этом же направлении и мнение Росинаса (1999: 174).

Здесь хотелось бы возразить следующее. Образование адессива и аллатива происходило не во время старолитовского языка, а значительно раньше (ср. § 1.2.2; § 1.3), и сравнение с конструкциями типа *dėl to* и *todėl* поэтому не совсем корректно, так как, например, в постпозиционной форме *-dėl* не появляется редукция ***dėl* (ср. § 1.2.2), т. е. она образована по совершенно другому принципу, а, следовательно, и в другой относительно-хронологический этап истории языка. Таким образом, несоответствие рекции в старолитовском *prie* + дат. п. и образования адессива лок. п. + *-pi* < **-prie* не является, на наш взгляд, весомым аргументом. Здесь достаточно предположить, что в эпоху возникновения адессива и аллатива *prie* управляло (еще и) локативом. Как представляется, в пользу этого свидетельствуют и латышские реликтные формы *tuīp*, *kuīp*, где *tūr* и *kūr* имеют значение, сходное с локативом. Более того, в близкородственных, славянских языках предлог **prie* управляет локативом, ср. русск. *при доме* / *домах*, а не ***при дому* / *домам*.

3. ФОРМАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Для выведения адессива ед. ч. из датива Росинасу (Rosinas 1999) необходимо предположение целого ряда незакономерных развитий по аналогии:

3.1. ā-(ė)-склонение: Формы *bóbaip* (1), *mergáip* / *mergaĩp* (4) (Zinkevičius 1966: 222) содержат, на наш взгляд, древнее окончание локатива **-ai* < **-eh₂-i* (см. Seržant 2004). Однако если исходить исключительно только из формы ед. ч. *ā*-склонения, то принять однозначное решение касательно лежащего в основе адессива падежа нельзя. Здесь следует опираться на способ образования других форм адессива.

3.2. i-склонение: Формы *úgnip* (DP 158₆, 158₄₁), *schirdipi* (Mažvydo Kat. 446₆, 448₁₅) содержат, на наш взгляд, древнее окончание локатива ед. ч. *i*-склонения, сокращенное по закону Лескина, **-ēi* > **-íe* > *-i* (ср. § 1.2). Росинас (Rosinas 1999: 175) объясняет форму адессива как возникшую на основе датива на *-i*. Однако следует отметить, что следуя Росинасу, остается непонятной причина, по которой основная и закономерная форма датива *i*-склонения *-ie* (*aviē*)⁹ (Stang 1966: 208), сохранившаяся и по сей день (Zinkevičius 1966: 230), не послужила основой для образования адессива, а в основу легла маргинальная форма *-i*, возникновение которой не до конца ясно¹⁰ (ср. также § 4.4).

3.3. u-склонение: Здесь во всех старолитовских текстах и современных говорах присутствует только лишь форма адесс. ед. ч. на *-up(i)*, ср. *sūnup(i)*, форма же датива оканчивается на *-ui* / *-uo*. В данном случае Росинас (Rosinas 1999: 174–

⁹ Ср. старослав. дат. ед. ч. *пѣти* < **-ei*, санскр. *kaveḥ* < **-ei*.

¹⁰ Основное мнение (напр. Stang 1966: 208), что это окончание было заимствовано из склонения на согласный. Однако в современной индоевропеистике окончание датива реконструируется исключительно как не поддающееся абляутному чередованию **-ei*, см. Rix (1976: 117), Meier-Brügger (2002: 198–9 особенно § 5) и др. Даже уже Szemerényi (1990: 173) окончания дат. ед. ч. ***i* вообще не восстанавливает.

5) объясняет это несоответствие тем, что в основе адессива лежит более старинное окончание датива *-и*.

Первое, что хотелось бы отметить, это тот факт, что в тех же текстах, где встречается датив существительных на *-и*, присутствует и прономинальный датив на *-ми*, ср. *Jamug* DP 433₃₀, *Tamug* DP 331₁₈ и др., что отмечает сам Rosinas (1999: 175). Следуя же предположению Росинаса, нам бы и здесь следовало ожидать адессив на **-ур*, напр. ***tamur*, ***jamur*, однако, насколько мне известно, таких форм ни в литовских говорах, ни в старолитовских текстах не встречается. Известные же прономинальные формы адессива содержат, как известно, древнее прономинальное окончание локатива, ср. *tamip* (> *tamp*) / *tamimp* (*-m-* по аналогии с аллативом).

Далее, Zinkevičius (1966: 120) отмечает окончание датива ед. ч. на *-и* (или соответствующий ему редуцированный слогаобразующий) в области примерно вокруг Паневежиса (см. также карту распространения этого окончания N75 (Zinkevičius 1966: 520)), а также на юге, примерно в Дзукии. Для правильной интерпретации этого окончания в области вокруг Паневежиса следует отметить, что именно в этом районе наблюдается сильная редукция окончаний, например, инструменталь ед. ч. в Шедуве оканчивается на *-ʹ* (*rāgʹ*), при том, что датив на *-и* (*rāgu*) (Zinkevičius 1966: 120: §115), хотя, следуя Росинасу, эти окончания должны были бы здесь совпасть. Более того, для параллели достаточно сравнить *é*-склонение. Здесь в этом же районе присутствует окончание датива *-ε*, а не *-ei*. Таким образом, окончание на *-и* можно считать диалектизмом, проникшим из северо-восточных аукштайтских говоров¹¹, учитывая, что распространение окончания *-и* образует непрерывную область. В пользу этого, на наш взгляд однозначно, свидетельствует и датив определенных окончаний прилагательных на *-iam*, фигурирующий в тех же текстах, что и датив на *-и* существительных, хотя известно, что в основе лежит прономинальная форма *jamui*, в котором последний слог апокопирован, ср. примеры, приведенные Мажюлисом (Mažiulis 1970: 108). То есть, здесь произошло фонетическое сокращение конечных долгот. Как же было указано в 1.2–3, эпоха возникновения адессива и аллатива значительно древнее, чем такое сокращение ауслаутных долгот.

Возможно и объяснение этого окончания как древнего окончания локатива, проникшего в датив, см. § 4.4. Так или иначе, окончание *-и* в дативе не может быть древним, поскольку оно не выводимо ни из индоевропейского дат. *и*-склонения (< **-оцеi*, ср. *сынѡви*, др.-инд. *bāhave*), ни из датива *о*-склонения (< **ōi*).

Таким образом форма адессива *sūnūp* не может быть образованной на базе датива.

¹¹ О том, что старолитовские тексты не являются моногенным отражением одного и того же говора / диалекта, свидетельствуют многочисленные факты. Как пример можно привести ударение в *Daukšos Postilė*, где присутствует одновременно и древнее, и оттянутое на один слог назад ударение, характерное для северных аукштайтских говоров.

3.4. о-склонение: Адессив ед. ч. типа *dievīp(i)* (*dievīp(i)* – реже) также не соответствует окончанию датива, известному как *-ui* или диал. *-uo* < **-uo-i*. В старолитовских текстах в соответствующей аналитической конструкции встречается окончание датива *-ui* или *-u*: (...) *stoios prieg anám Anghui* DP 41₂₂; (...) *prieg karunawoimu erfkiečieys* PS II 244₁₄, также *prieg* + дат. на *-i* (*-ie* – реже): *kaip turi weiktis prieg dwari io* DP 434₁₆, *prieg Sakramenty* PS II 65₁; *prieg stáli* PS II 189₁ (Rosinas 1999: 175). О том, что речь идет о дативе, свидетельствует согласованное местоимение: (...) *kurie ik tam' mēti bus numirė* DK 146₁₂₋₁₃. Росинас (Rosinas 1999: 176) предлагает объяснить данное окончание по следующей пропорции: **dat. (pirt)-ei* : *lok. (pirt)-ei* = *lok. *namei* : *dat. x*, где *x* = **(nam)ei*.

В данном случае следует отметить, что ни окончание локатива ед. ч. *i*-склонения, ни окончание локатива ед. ч. консонантного склонения никогда не было **(pirt)-ei*. В первом случае оно было **-ēi* > **-ėi* > *-i*, во втором **-i* > *-i*. Таким образом, чтобы удержать эту пропорцию, Росинас должен объяснить окончание локатива ед. ч. *i*-склонения **(pirt)-ei* как заимствованное из консонантного склонения, которое в свою очередь было перенято из *o*-склонения, напр. *pamiē*. Однако, кроме того, что это объяснение абсолютно *ad hoc*, можно возразить еще следующее:

1. Закономерное индоевропейское окончание локатива ед. ч. основ на согласный хорошо сохранилось практически во всех аукштайтских говорах в виде *-uje*, где древнее **-i* было продлено по аналогии с лок. ед. ч. *ā*-склонения или просто по аналогии с соотв. локативом мн. ч. (также объясняется напр. и окончание *u*-склонения *-uje* / *(-ūje)*). Выражения типа *lig pačiam vākarie/-i* являются реликтами регулярного окончания датива консонантного склонения (Mažiulis 1970: 146). Т. е. в консонантном склонении были окончания дат. *-ie* лок. **-i* (в расширенной форме *-uje*), а в *i*-склонении дат. *-ie* лок. **-ėi* > **-ie* + расширитель > *-i* (по закону Лескина) + расширитель. Однако ни в одном, ни в другом склонении датив с локативом изначально не совпадали. Таким образом, как представляется, нет ни одного фактического подтверждения тому предположению, что некогда в согласном склонении присутствовало окончание локатива *-ie* < **-ei*, а даже наоборот, сохранившиеся по сегодняшний день формы локатива консонантных основ опровергают это предположение, поскольку восходят скорее к древнему **-i* (напр. *akmenyje* продление по аналогии с иллативом), а не к **-ie*, следовательно, первая часть пропорции – лок. *(pirt)-ei* не существовала.

2. Картина, изображенная Росинасом, неприемлема и в том плане, что, согласно его реконструкции, во время становления адессива окончание датива ед. ч. *o*-склонения было якобы **-ei* (напр. в *dievīep* < **-ei-pi*), т. е. инновационной формой, при этом сегодняшняя же форма датива ед. ч. *-ui*, жем. *-uo* и их варианты, как известно, является исконным окончанием датива ед. ч.¹², а следовательно, и более древним, чем **-ei*. Утверждение, что в более древнюю

¹² Окончание датива *o*-склонения в и.-е. языке было исключительно только **-o-ei* > **-ōi*.

Поскольку это утверждение является *opinio communis*, я не привожу конкретной литературы.

эпоху была распространена обновленная форма, при том, что в современное время за немногими исключениями присутствует на том же месте древняя форма, содержит, на наш взгляд, практически непреодолимое противоречие. Вариантов, как после образования адессива на основе реконструируемого Росинасом датива $*-ei + *p\acute{i} > *-eip\acute{i} > (diev)-\acute{i}ep(i)$ это окончание было заменено на древнее окончание датива $-ui$, жем. $-uo$, Росинас не предлагает, и, на наш взгляд, их и не найти.

Более редкая форма адессива *dievip* является заимствованием из *i*-склонения.

Таким образом форма адессива *dievíep* не может быть образованной на базе датива.

3.5. Итак, подводя итоги, можно сказать, что если единственно в $\bar{a}$ -склонении (3.1) флексия адессива может быть интерпретирована двояко – и как датив $+ p\acute{i}$, и как локатив $+ p\acute{i}$, – то в остальных случаях это или очень маловероятно (*i*-склонение, 3.2), или просто невозможно (*u*- (3.3), *o*-склонение (3.4)). Далее, если исходить из того, что образование форм адессива во всех этих склонениях не происходило в совершенно разные эпохи развития языка, а в одну относительно-хронологическую стадию развития, о чем свидетельствует качество постпозиции (см. 1.2.2), то необходимо предположить, что образование всех форм адессива единственного числа происходило параллельно, а следовательно, все они содержат окончание соответствующего локатива с послелогом $-p\acute{i}$.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ

4.1. Росинас (Rosinas 1999) не оспаривает до сих пор общепринятое мнение о том, что в основе форм множественного числа адессива лежат соответствующие формы локатива. Относительно изложения развития и происхождения форм множественного числа адессива хотелось бы полностью согласиться с Росинасом (Rosinas 1999: 178–180), где он высказывается в пользу интерпретации, предложенной и обоснованной Стангом (Stang 1966: 185–6), о развитии инессива мн. ч. *o*-склонения под влиянием иллатива, а также о влиянии форм аллатива мн. ч. на формы мн. ч. адессива: адесс. $-sup(i)$ алл. $-umpr > адесс. -sumpr > влияние инессива > -semp$.

4.2. Хотелось бы еще раз (1.3) обратить внимание на латышские формы, не принятые во внимание Росинасом. Учитывая факт, что в латышском сохранились лишь реликты некогда и здесь существовавшего адессива – при этом хотелось бы подчеркнуть, что реликты более древних форм обычно особенно устойчивы против воздействия различного рода аналогий, – формам *šupr*, *kuīr* должно придаваться, на наш взгляд, особенно большое значение. Как видно, эти формы образованы не на дативе $**kam(ui) + p\acute{i}$, а на локативе *kūr*. Таким образом, и латышские данные, хотя и немногочисленные, подтверждают оспариваемое Росинасом предположение, что в основе адессива лежат формы локатива, а не датива.

4.3. Принятие утверждения, что формы адессива были окончательно сформированы после действия закона Лескина, дает возможность совершенно

закономерного выведения форм адессива ед. ч. *и*- и *і*-склонений, не используя, на наш взгляд, очень сложной аналогии. При этом нам не кажется неизбежным вывод, что хронологически закон Лескина должен был действовать и в пралатышском языке. Здесь достаточно предположить, что сама конструкция предлога / послелога *p(r)i (из *p(r)ie, см. § 1.2.2) с номинальной группой в локативе в адессивном значении существовала уже в правосточнобалтийскую эпоху и далее развивалась в пралатышском и пралитовском отдельно под влиянием балтийско-финских языков.

4.4. По поводу старолитовских и диалектальных окончаний датива *і*-склонения на *-і*, *и*-склонения на *-и* и *о*-склонения на *-ie* (*po vakarie*) хотелось бы выразить следующее предположение. Учитывая тот факт, что все эти формы в большей или меньшей степени противоречат стандартному фонетическому развитию хорошо известных индоевропейских соответствующих окончаний датива и требуют, в связи с этим, предположения целого ряда аналогий / заимствований из других склонений, и факт, что параллельно с ними сохранились и фонетически регулярные окончания датива (т. е. *-ie*, *-?*, *-ui* / *-uo* соответственно), а также, что они фонетически полностью отвечают соответствующим окончаниям локатива, можно предположить, что они и являются исторически древними окончаниями локатива. Причина же, по которой данные окончания стали употребляться в качестве датива, возможно, именно в том, что некогда такие предлоги как *po*¹³, *prie* употреблялись как с локативом, так и с дативом, позднее же семантические значения их употреблений с локативом и дативом совпали, как, например, это произошло с *prie*, где, как показал Росинас (Rosinas 1999: 173–4), значение *prie* + dat. = adess. (= loc. + *pi* < *prie*, 4.2). Одновременно само окончание локатива было расширено на *-je* / *-e* и в некоторых случаях продлено: *-и* > *-ije* / *-ūje*, *-і* > *-yje* / *-īje*, *-ie* > *-e*, однако в конструкциях с предлогом древнее окончание локатива было сохранено¹⁴ и воспринято носителями языка как алломорф датива: *prieg Wießpati* DP 484, наряду с *prie Wießpatie* ⇒ *Wießpati* = *Wießpatie*. Позднее эта алломорфия была устранена в каждом говоре по-разному: где-то было оставлено только древнее окончание локатива (напр. в Дзукии), где-то древнее окончание датива (в жем. и восточно-аукшт.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ME – KĀRLIS MŪLENBACHS, *Latviešu valodas vārdnīca*. Rediģējis, papildinājis, turpinājis JĀNIS ENDZELINS. 2. negrozīts izdevums. I–VI. Čikāga: Čikāgas baltu filologu kopa, 1954.

СтСл – *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е издание, стереотипное, Москва, 1999.

¹³ Ср. употребление *po* в старославянском с акузативом, дативом и локативом (СтСл 453).

¹⁴ Здесь как типологический пример хотелось бы привести русск. выражение *по приезде*, где *приезде* – явно форма локатива, при том, что в современном русском языке предлог *по* употребляется исключительно с дативом. На этом примере видно, что препозиционные конструкции могут в идиоматических формах сохранять древнюю рекцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ARUMAA, P. 1930: *Litauische mundartliche Texte aus der Wilnaer Gegend*. Eesti Vabariigi Tartu Ülikooli Toimetused. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis, B Humaniora XXIII, Dorpat.
- KAVALIŪNAITĖ, G. 2001: Adesvyas Chylinskio Naujojo Testamento vertime. *Acta Linguistica Lithuanica* 45, 93–113.
- KAZLAUSKAS, J. 1968: *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*, Vilnius: Mintis.
- MAŽIULIS, V. 1970: *Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija)*, Vilnius: Mintis.
- MEIER-BRÜGGER, M. 2002: *Indogermanische Sprachwissenschaft*, 8., überarbeitete und ergänzte Auflage der früheren Darstellung von Hans Krahe. Unter Mitarbeit von Matthias Fritz und Manfred Mayrhofer, Berlin–New York: De Gruyter.
- RANGE, J.-D. 1995: Allativ und Adessiv in altlitauischen Texten des 16. Jahrhunderts. *Linguistica Baltica* 4, 93–103.
- ROSINAS, A. 1999: Inesyvo ir adesvyvo formų kilmės ir raidos klausimu. *Baltistica* 34 (2), 173–183.
- RIX, H. 1976: *Historische Grammatik des Griechischen. Laut- und Formenlehre*, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- SERŽANT, I. A. 2004: Zur Vorgeschichte des Inessivs im Urostbaltischen. *Acta Linguistica Lithuanica* 51, 59–67.
- STANG, Chr. S. 1958: Die litauische Mundart von Zasėčiai im Gebiet von Wilna. *Norsk tidsskrift for Sprogvidenskap* 18, 171–199.
- STANG, Chr. S. 1966: *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*, Oslo etc.: Universitetsforlaget.
- SZEMERÉNYI, O. 1990: *Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft*, 4., durchgesehene Auflage, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- ТОПОРОВ, В. В. 1968: *Локатив в славянских языках*, Москва: Наука.
- ZINKEVIČIUS, Z. 1966: *Lietuvių dialektologija*, Vilnius: Mintis.
- ZINKEVIČIUS, Z. 1982: Lietuvių kalbos postpoziciniai vietininkai. *Baltistica* 18 (1), 21–38.

Илья А. Сержант
Universität zu Köln
Institut für Linguistik
Historisch-Vergleichende Sprachwissenschaft
D-50923 Köln
serzant@web.de

Gauta 2004 11 04